

Научная статья

Original article

УДК 101.2

doi: 10.55186/2413046X_2022_7_11_666

**ОТ АГНОСТИЦИЗМА К ЭКОНОМИКЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ТОВАР У
МАРКСА ЯВЛЯЕТСЯ РЕШЕНИЕМ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
FROM AGNOSTICISM TO ECONOMY OR WHY MARX'S
COMMODITY IS THE SOLUTION OF A PHILOSOPHICAL PROBLEM**



Сухно Алексей Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «917 Философия», «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», E-mail: volyakvlasti@mail.ru

Sukhno Alexey Andreevich, candidate of philosophical science, associate Professor of the Department «917 Philosophy», Moscow Aviation Institute (National Research University), E-mail: volyakvlasti@mail.ru

Аннотация. В статье предполагается, что анализ проблемы познаваемости мира в работах Канта, Гегеля и Маркса можно рассматривать как единый цикл философской мысли. В рамках этого цикла экономическая категория товара предстает как решение задачи, поставленной в спекулятивной философии Гегеля – преодолеть проблему кантовской Вещи в себе. Для этого, по мнению автора, необходимо не допустить «фальстарта материализма» – точно определить момент перехода от гегелевской религиозной онтологии к материалистической диалектике. Дело в том, что спекулятивный Абсолют в философии Гегеля, представляющий собой «неканоническую» версию христианского Бога, позволяет раскрыть сущность процесса, в который включен мыслящий субъект, – при том, что сам субъект, согласно открытию Канта, не имеет эпистемологического доступа к этому

процессу в силу априорных ограничений своей познавательной активности. Гегелевский Абсолют предстает в качестве онтологической предпосылки для диалектики логических категорий, через которую процесс раскрывает себя. Следовательно, если взаимодействие логических категорий возможно на основе принципиально иной онтологии, связанной с материальным производством и экономическим обменом, где отсутствуют спекулятивные допущения, то гегелевский вариант преодоления агностицизма уже не является теоретически необходимым.

Abstract. The article assumes that the analysis of the problem of the cognizability of the world in the works of Kant, Hegel and Marx can be considered as a single cycle of philosophical thought. In this cycle the economic category of the commodity appears as a solution to the problem posed in Hegel's speculative philosophy to overcome the problem of the Kantian Thing in itself. To do this, according to the author, it is necessary to prevent the "false start of materialism" that is to accurately determine the moment of transition from Hegelian religious ontology to materialistic dialectic. The fact is that the speculative Absolute in Hegel's philosophy, which is a "non-canonical" version of the Christian God, allows you to reveal the essence of the process in which the thinking subject is included, despite the fact that the subject himself, according to Kant's discovery, does not have epistemological access to this process due to a priori limitations of their cognitive activity. The Hegelian Absolute appears as an ontological premise for the dialectic of logical categories through which the process reveals itself. Consequently if the interaction of logical categories is possible on the basis of a fundamentally different ontology associated with material production and economic exchange, where there are no speculative assumptions, then the Hegelian version of overcoming agnosticism is no longer theoretically necessary.

Ключевые слова: понятие, абсолютное знание, вещь в себе, абсолютный дух, принцип личности, отчуждение, действительность, производственно-технический комплекс

Keywords: concept, absolute knowledge, thing in itself, absolute spirit, principle of personality, alienation, actuality, industrial engineering complex

Актуализация наследия Канта, Гегеля и Маркса в континентальной философии происходит «волнами» – интерес то возникает, то спадает. Имена классиков всплывают в совершенно новых, иногда крайне неожиданных контекстах – например, общественное производство как двигатель революционных изменений в обществе увязывается «желающим производством» шизофреника [1], а рефлексивная логика в работах Канта и Гегеля неожиданно становится предпосылкой возникновения кибернетики и изобретения рекурсивного алгоритма [10] и т.д.. Но отличительной чертой таких инициатив является стремление оставить классиков «по разные стороны баррикад» – изолировать их друг от друга, находя для кого-то нишу в интеллектуальном контексте современности, а кого-то, напротив, исключая из этого контекста.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что в свое время здесь имела место, как минимум, одна *самостоятельная линия развития*, связанная с теорией познания, которая впоследствии была «похоронена» под многочисленными интерпретациями. В рамках этой линии развития Кант-Гегель-Маркс имеет место прохождение «полного цикла» философской мысли.

На первый взгляд кажется, принимая во внимание крайние следствия этих философских проектов, что агностицизм (Кант), религиозная мистика (Гегель) и политико-экономический анализ (Маркс) имеют между собой мало общего. Если и можно вести речь о преемственности, то, например, в духе советского «диамата», о заимствовании гегелевской методологии, но с категорическим отказом от спекулятивной религиозной онтологии с круговоротом «абсолютного духа». Тем самым, согласно этой логике, Маркс, дистанцируясь от Гегеля, уже располагается значительно дальше от Канта.

Однако, с нашей точки зрения, здесь имеет место сюжет с «закольцованной» структурой, наводящий на мысль о цикличности. Если Гегель, критикуя агностицизм Канта с его недостижимой Вещью в себе, предлагает вариант её религиозно-мистического «снятия» (“*Aufheben*”¹), то Маркс в какой-то момент «прерывает» развертывание религиозной онтологии Гегеля, чтобы словно бы вручить Канту именно то, что тот посчитал абсолютно недостижимым – Вещь в себе «собственной персоной», – и тем самым фактически завершает цикл спекулятивной философии.

Таким образом, если избежать «фальстарта материализма» и правильно определить момент, когда именно происходит переход от онтологии «абсолютного духа» Гегеля к материалистической диалектике Маркса, то мы увидим, что Вещь в себе вовсе не является «призраком» (“*Gespens*”), как это пытался представить Гегель. Более того, у нее есть имя – пусть и весьма неожиданное в контексте гегелевской спекулятивной философии.

Логика диалектического эксперимента, или Как пройти между агностицизмом и метафизикой

По сути, тот мыслительный эксперимент, который ставит Гегель в «Науке Логики», сам по себе не несет никакого «врожденного порока» религиозного мистицизма, чтобы его можно было с порога отвергать человеку материалистических убеждений. Напротив, его если не главная, то одна из главных мишеней – это кантовский агностицизм (тот самый, ставший притчей во языцех, «призрак Вещи в себе»).

Вопрос, который занимал Гегеля в «Науке Логики», звучит примерно следующим образом: как определить сущность процесса, в который ты включен, если ты не имеешь доступа к процессу в целом? если *способ данности* этого процесса в «субъективном» опыте формируется независимо от мыслительной деятельности самого субъекта? Более того, сам этот

¹ Все оригинальные термины, используемые Гегелем, которые мы здесь и ниже помещаем в скобки и выделяем курсивом, взяты отсюда [2]. В цитатах немецкие термины, указанные в скобках переводчиком русского издания «Науки логики», курсивом не выделяются.

«способ данности» (формы созерцания и понятия *a priori*) замечается мыслящим субъектом только постфактум – после длительного пребывания среди антиномий чистого разума [8].

Иными словами, необходимо снять ограничение Канта для деятельности теоретического разума на познание каков процесс есть «в себе». Но при этом не возвращаться к «догматическому реализму», то есть – к картезианско-лейбницианской метафизике.

То есть с самого начала Гегель вполне солидарен с Кантом в неприятии метафизического решения. Он точно так же полагает, что процесс не может раскрыться через гарантию со стороны некоего Верховного существа (как у Декарта и Лейбница), которое его производит и/ли наблюдает со стороны. Но любые попытки раскрыть этот процесс самостоятельно, опираясь только на силу собственного разума, – как и наглядно показал Кант – обречены на неудачу.

Что же предпринять в такой ситуации – когда нет «внешнего гаранта» достоверности нашего познания, а сами мы, будучи участниками процесса, не можем выйти за его пределы, чтобы наблюдать его со стороны в рамках некоего «возможного опыта» (“*mögliche Erfahrung*”)?

И здесь Гегель предлагает ход мысли, который можно считать «классикой» диалектической логики: сущность процесса, каков он есть в себе, на самом деле раскрывается как раз через *серию неудачных попыток определить сущность* этого процесса.

Так и возникает «фирменный стиль» гегелевской «Науки Логики», который делает её одним из самых «нечитабельных» произведений в истории философской литературы.

Мы начинаем с его наиболее общего, самого абстрактного определения – Бытия. Затем приходим к мысли, что оно не соответствует определяемому содержанию: что оно настолько абстрактно, что обозначает «то же самое, что и Небытие», а потому «конкретизируем» определение в

Наличном бытии (*Dasein*) т.д. и т.п.. – мы подбираем подходящие понятия для определения сущности процесса, но все время терпим неудачу. Тем самым (хотя до какого-то момента мы об этом еще не знаем) мы раскрываем процесс так, каков он есть сам по себе – в его исторической последовательности, «развертывании» (*Auslegung*) в реальной Истории. Причем, момент, когда это произойдет, выяснится уже *по ходу* самого процесса.

Что это за момент?

Строго говоря, это – момент завершения процесса. На последнем шаге выяснится, что перед нами в форме исследуемого процесса *все это время был представлен Абсолют* – не-человеческая, «сверхчувственная» Личность, Бог. С одной стороны, он представляет собой *весь ряд* данных абстрактных определений, но, с другой, он сам – *последнее определение в этом ряду*. Поэтому он расщеплен внутри самого себя, и ему требуется отчуждение в человеческой Истории (в «объективном Духе», по выражению Гегеля), чтобы вернуться к своей сущности. Это «Субъект-субстанция», описанный в «Феноменологии духа», – конструкция, в рамках которой «Субъект» и «Субстанция» находятся в «круговом взаимопределении», без исходной точки отсчета, а потому воплощают в этом круговороте «абсолютное знание» [4, с. 431-432].

Искаженный Абсолют, или Почему историю Бога нельзя рассказывать в хронологической последовательности

Итак, этот Абсолют расщеплен, не тождественен себе. Следовательно, его единственный способ *быть собой* – это быть чем-то *радикально иным*, то есть предстать с самого начала в *искаженной, отчужденной* (*entfremdet*) форме – в реальной Истории человечества.

Абсолютный Дух (Бог) отчуждает себя в предметном мире, чтобы затем вернуться к *логическим определениям, категориям мышления*, которые и описываются в «Науке Логики» – «реконструируются» уже после того, как

Абсолютный Дух вернулся к себе (после того, как возвысился до ступени «абсолютного знания», описанной в конце «Феноменологии духа»).

«Наука логики» – результат такой «реконструкции»: та самая система Понятий, абстрактно-логическое или чистое Знание (*reine Wissen*), которое воплотилось в жизни и поступках людей. Выражаясь языком киноиндустрии, она – это «приквел» «Феноменологии духа», то есть продолжение, снятое после оригинального фильма, но события которого разворачиваются до событий оригинального. В нем Гегель стремится представить «изображение Бога (*Darstellung Gottes*), каков он в своей вечной сущности (*in seinem ewigen Wesen*) до сотворения природы и конечного духа» [5, с. 39]. Иначе говоря – до того момента, как Абсолют обнаружил себя отчужденным в реальной человеческой Истории и осознал необходимость «пересобрать самого себя» заново, восстановить свой истинный образ.

Человека материалистических убеждений этот поворот вводит во искушение «забраковать» всю гегелевскую онтологию на корню – со всеми её очевидно религиозными ассоциациями.

Однако если не рубить с плеча, то можно заметить, что «расщепленный Абсолют», о котором пишет Гегель, вовсе не идентичен *Абсолюту как таковому*. Иначе это было бы все еще «метафизическое решение» проблем теории познания – возвращение к до-кантовской «догматической» философии. Поэтому стоит проследовать за Гегелем еще немного – чтобы понять точный смысл этого «расщепления».

Тогда и выяснится, что одно дело слушать историю о Боге, который воплотился в человеке, принес себя в жертву, воскрес и вознесся на небо, а совсем другое – посмотреть на ситуацию глазами галилейского мальчика из городка на задворках Римской империи, который вдруг осознает, что на самом деле является Богом, и попытаться сделать из этого все необходимые выводы. В первом случае просто отбрасывается произошедшее «темпоральное искажение», и нам рассказывают историю как она произошла

якобы в реальной хронологической последовательности. Именно этот момент отмечает Гегель и рассказывает свою версию истории, – концовка которой, с нашей точки зрения, отнюдь не так очевидна.

То, чего не хватает, по его мнению, канонической версии «изображения Бога», которая целиком подчинена «внешней рефлексии» (*äußerliche Reflexion*), так это – «принципа Личности» (*Prinzip der Persönlichkeit*). В «Науке логики» Гегель упрекает в этом философию Спинозы, которая, несмотря на все свои достоинства, так и не смогла преодолеть границы «внешней рефлексии». «Этой субстанции, с одной стороны, недостает вследствие этого принципа *личности* (*Personlichkeit*) (...), с другой стороны, познание оказывается внешней Рефлексией, которая постигает и выводит то, что являет себя как конечное, – определенность атрибута и модус, равно как и вообще самое себя, – не из субстанции, а действует как внешний рассудок, принимает определения как *данные* и *сводит* их к абсолютному (...) абсолютное не может быть чем-то первым, непосредственным, а есть по своему существу свой [собственный] результат» [5, с. 489-490].

В этом специфика гегелевского решения. Возвращение «Абсолюта» (Бога) к себе самому – воссоздание себя в виде серии логических определений, абстрактных понятий, которые стоят за историческими деяниями и открытиями людей, – происходит только *в самом конце* этой серии. Это как примерно размышлять каков был замысел Бога при создании мира, какие понятия стоят за действительными предметами, а в конце обнаружить, что *этим Богом являешься ты сам, собственной персоной* (*Persönlichkeit*) – после реконструкции всего замысла целиком. Поэтому открытие «сверхчувственной» Личности – это вовсе не операция «внешней рефлексии», которая через анализ логических определений выводит безликий, потусторонний Абсолют, но именно *обнаружение мыслящим субъектом самого себя* в качестве этого Абсолюта.

**Конец Истории между Наполеоном и Лютером, или Как преодолеть
внешнюю необходимость**

А правда ли нужен этот «мистический» переход от абстракции к Абсолюту? В принципе, здесь уже есть варианты.

Но сейчас важно понять, что вся эта «мистика» появилась не на пустом месте. Если за «ширмой» чувственной реальности, материальными предметами мы находим ряд абстрактных определений (или «общих понятий» этих предметов), чья диалектическая взаимосвязь помогает нам справиться с кантовским агностицизмом, то необходимо *«интегрировать» эти определения, предоставить им «онтологическую площадку»*, где бы они могли существовать. Напомним – без всякой метафизики (то есть «мир Идей» Платона не будет подходящим решением)! И таким носителем всех этих абстрактных определений как раз и будет особое «сверхчувственное» мышление, «расщепленный Абсолют», который объединяет все эти определения и одновременно является *последним, «крайним» определением* в их ряду.

То есть Абсолют присутствует в процессе дважды – как *процесс целиком* и как *его часть*. А потому ему и не требуется дополнительной, метафизической реальности: он сам – единственная или «абсолютная» реальность, которая, чтобы осознать себя, сначала разделяется на объективное и субъективное, а затем «реконструируется» в форме Понятия или чистого Знания. Это не тот Бог, который решил в силу каких-то причин стать человеком (стандартный метафизический подход к описанию: Абсолют – это единое целое, воплощенное в своих частях), но тот Бог, который *застает себя* в качестве человека, чтобы затем «реконструировать» себя в качестве Бога, – и других вариантов осознать собственную божественность у него просто нет (!).

Реализация этого «принципа Личности» в процессе размышления будет выглядеть примерно следующим образом. «Если я обнаружил себя где-то

посреди действительной человеческой истории, столкнулся с внешней Необходимостью, то есть – давлением разнообразных жизненных обстоятельств, то выскользнуть из них я могу только в одном случае. Если я сам и есть *создатель* этой Необходимости (!) – разумеется, не я как Гегель, профессор философии из Нюрнберга, но я как Абсолютный Дух (Бог), что пришел к осознанию себя в Гегеле, и теперь я могу «снять» (*aufheben*) объективную Действительность в абсолютном Понятии (*absolute Begriff*). «Понятие» – это «единство Всеобщего и Особенного» (*Einheit des Allgemeinen und Besonderen*), где всеобщий исторический процесс раскрывает *внутри себя* Личность, чьим «развертыванием» (*Auslegung*) на самом деле он все это время и являлся! Но если я сейчас могу сделать эту операцию, то значит процесс подошел к концу, и я непосредственно наблюдаю как История достигает своего завершения – в Империи Наполеона. Я, Гегель, на уровне теории осознаю то, что делает Наполеон на практике, и таким образом, через единство Деяния (*Tun*) и Мышления (*Denken*) осознает себя Абсолютный Дух... (после неловкой паузы, вызванной событиями 1812-го года) Нууу... Или История достигает своего завершения в протестантской Реформации. Да, точно – дело не в Наполеоне, а в Лютере и самом духе протестантизма. Ведь разве не в протестантизме, как нигде до этого, с полной силой проявился «принцип Личности», устранив католическое понимание Абсолютного как «внешнего»?!... Католики-французы просто не смогли понять истинный смысл происходящего и исказили «конец Истории», на самом деле наступивший в «германском мире» победившей Реформации². Теперь все правильно».

(Форма прямой речи, в которой мы выразили ход рассуждений Гегеля, дает лучше прочувствовать как последняя корректировка «смазывает» весь эффект. Это должно навести нас на мысль, что здесь явно что-то не клеится – но к этому вернемся позже).

² Размышления Гегеля на эту тему можно прочесть здесь [6, с. 440 - 455]

Так и рождается в философии Гегеля Абсолютный Дух. Когда мыслящий субъект доходит до самого конца своего путешествия, то открывает, что вернулся к самому себе и узнал себя в произошедшем: «Я и есть тот, кто все это сотворил (как Наполеон). Я и есть тот, кто все это осмыслил (как Гегель), чтобы снять самого себя в бесконечном мышлении (в Боге). Есть только этот ряд – и ничего, кроме этого ряда абстрактных определений, которые целиком и полностью воплощаются в Действительности, чтобы затем вернуться обратно к породившему их (божественному) Мышлению. Я творю и изменяю Действительность, чтобы использовать ее как зеркало, которое отражает меня для меня же самого, – и я никак не могу увидеть себя иначе, чем через это отчуждение. Бог должен был воплотиться в человеке, чтобы узнать самого себя как Бога – иначе он остается неопределенным существом, не имеющим никакого представления о своей божественности».

Таким образом, есть только ряд логических определений, чистое Знание или Понятие, отчужденное в Действительности, а следовательно, сама Действительность – это момент Понятия. «В-себе» Канта в этом контексте – это не то, что должно быть раскрыто, а то, что снимается, потому что «В-себе» – такой же момент саморазвертывания Понятия, как и все остальное. Именно так Гегель решает проблему, с которой столкнулся Кант, – *устраняет сам факт ее существования.*

«Абсолютизация» искажения, или Как внешнюю необходимость можно использовать

Предположительно, именно здесь вмешивается Маркс. Сама по себе «корректировка» или замена Наполеона на Лютера поневоле заставляет задуматься: все ли тут чисто, нужно ли использовать «принцип Личности» или есть иной способ интеграции или «онтологизации» логических определений, чье движение составляет суть диалектического метода?

Выразим «симметрично» его размышления в виде прямой речи.

«А надо ли этой внешней Необходимости вообще избегать, чтобы получить возможность познания Действительности? Так ли уж нужно нам это «абсолютное знание», в котором все «растворяется» и исчезает, если можно получить *объективное*? Я ведь сам как «действительное, чувственное, предметное существо» (*wirkliches, sinnliches, gegenständliches Wesen*³) есть также «страдающее существо» (*leidend Wesen*); то есть – я испытываю на себе воздействие этой Необходимости, но это не мой недостаток, напротив – мой шанс; потому что я могу ее преодолеть именно *в самой* Действительности, без обращения к чему-то «не-действительному», к «мнимой сущности» (*Scheinwesen*), каковым будет Понятие, если постулировать его как нечто *единственное реально существующее* («Абсолют»)⁴; для этого мне нужно «проявить и утвердить себя как родовое существо (*Gattungswesen*) и в своем бытии и в своем знании» [9, с. 638], то есть – преодолеть эту внешнюю Необходимость и тем самым, в процессе преодоления и утверждения, познать ее. Следовательно, дело вовсе не в Наполеоне или Лютере, которые, мол, превзошли Действительность в абсолютном знании, а в самом («революционном», то есть – *изменяющим* Действительность) процессе, который сначала создает эти фигуры, а затем сметает их с доски Истории».

Таким образом, Действительность какова она есть («В-себе») отражается как *изнанка*, «*фотографический негатив*» своего воздействия на субъект. При условии, конечно, что субъект стремится ее изменить, «утвердить себя как родовое существо», а следовательно, *само сопротивление* Действительности этим изменениям раскрывает ее перед субъектом. Образно говоря, разница между решениями Гегеля и Маркса примерно как между желанием спрятаться от сильного ветра (то есть –

³ Все оригинальные термины, используемые Марксом, которые мы здесь и ниже помещаем в скобки и выделяем курсивом, взяты отсюда [3].

⁴ «Поэтому у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании» [9, с. 635]

«внешней Необходимости») и стремлением использовать его энергию для работы ветряной мельницы.

А потому Абсолютный Дух так и не возвращается к самому себе. Он не узнает себя в пройденных этапах развития, чтобы снять свое отчуждение в *искаженном, деформированном* образе и явиться себе таким, каков он есть «в его вечной сущности». И «Наука логики», соответственно, не имеет той развязки, которую нам пообещал Гегель.

Поэтому сделанный Марксом вывод будет звучать следующим образом: «Если в рамках объективного процесса любое представление о нем может быть *только искаженным*, то сущность процесса должна проявляться в *самом этом искажении* – в объективной Необходимости. От нее не нужно уходить – скорее, напротив, следует заставить проявить себя. И если я могу на уровне практики преодолеть ее искажающее воздействие, то следовательно, мое познание этого процесса будет совершенно *объективным*».

Реплика Ильенкова: от «индивидуального» ко «всеобщему» мышлению, или Почему реальная логика выглядит «алогичной»

Это момент и подмечает один из наиболее проницательных интерпретаторов марксистского наследия – Эвальд Васильевич Ильенков.

В своей статье о «Науке логики» он пишет, что наряду с «индивидуальным» или «сознательным мышлением» действует «*всеобщее*» или «*реальное мышление*». «Индивидуальное мышление» выражает себя по преимуществу на уровне Слов, в форме категорий и законов формальной логики. В то время как «всеобщее мышление», напротив, проявляет себя в Делах и выражается в «развитии Науки, Техники и Нравственности» (в Истории). Причем, это последнее является индивидуальному мышлению через факторы, которые тому представляются «алогическими» или «вне-логическими» – «интуиция, прагматические интересы, чисто-

психологические случайности, эмоции, ассоциации, политические страсти, эмпирические обстоятельства» [7, с. 456].

Получается, что «всеобщее мышление» *корректирует, исправляет* деятельность индивидуального мышления, и из-за этого последнее *вынуждено* систематически нарушать те правила, которые само же и установило. Иными словами, в практической деятельности происходит постоянное *искажение* теоретико-логических схем «сознательного мышления», созданных в рамках «классической» формальной (а не диалектической!) логики.

По Ильенкову, проблема Гегеля состоит в том, что хотя он и описал это реальное или «всеобщее» мышление, но при этом полагал, что существует носитель этого «всеобщего мышления», «сверхчувственная» Личность, то есть – Абсолютный Дух. Маркс же справедливо указал, что введение такого «абсолютного субъекта» (или «Субъекта-субстанции») вовсе не обязательно – достаточно того, чтобы «всеобщее мышление» реализовывало себя в производственной деятельности, в изменении *материальных условий существования* человечества.

В сущности (и это решающий аргумент!) созданный всеобщим мышлением Объект может *произвести интеграцию, обеспечить единство* этого «мышления» не менее эффективно, чем гипотетически существующий Субъект(-субстанция). Ведь через создание такого Объекта формируются объективные предпосылки для деятельности будущего поколения, которые одновременно могут рассматриваться как *исторические ограничения*, накладываемые на эту деятельность. Это означает, что субъект, человеческий индивид испытывает воздействие со стороны «всеобщего мышления» человечества, воплощенного в созданном ранее Объекте, а именно – *производственно-техническом комплексе* («материальном базисе общества»).

С этой точки зрения под «человечеством» или «обществом» у Маркса не следует понимать какой-то «коллективный субъект», который просто

приходит на смену абсолютному субъекту Гегеля, чтобы стать носителем «всеобщего мышления». Напротив, человечество именно как совокупность эмпирических индивидов таким носителем не является – их «номиналистического» объединения под общим понятием явно недостаточно. Но зато оно создает такой специфический Объект (производственно-технический комплекс), который и станет *материальным* носителем «всеобщего мышления».

То есть человечество как подлинное единство существует не в *теории*, а на *практике* – в своей реальной деятельности, а не в том, что оно о себе думает и в каких понятиях это формулирует. И следовательно, свое искажающее воздействие, корректировку мышления эмпирического индивида оно производит только через *самоопосредование* в некоем сложном, произведенном им материальном объекте (комплексе).

Таким образом, у нас постепенно возникает радикально нефилософский, не-спекулятивный Объект (то есть – производственно-технический комплекс), но который представляет собой *недостающее звено самой философской спекуляции*. Это тот самый результат, который получается, когда все категории мышления, теоретические схемы были реализованы, нашли воплощение в Действительности – и в результате этого применения выявилось что-то «не-схематизируемое», какой-то «остаток». Или, если угодно, появилось нечто *чисто материальное*. Здесь «материя» не прочитывается в терминах картезианской метафизики как некая субстанция, а именно как «неустранимый остаток» – после практической реализации Идеи: нечто, что не уложилось в (идео)логическую схему и предстало в качестве, говоря гегелевским языком, «не-снимаемого внешнего».

В этом отличие от Гегеля – у него такого «остатка» нет: все существующее подчинено Понятию или Абсолютной Идее, включено в реализацию некоего абсолютного, «сверхчеловеческого» замысла.

В этой ситуации Гегеля вполне можно понять: он всячески пытался ввести в игру абсолютный субъект или Субъект-субстанцию, чтобы избежать кантовского вывода о невозможности постичь сущность процесса (его «В-себе»). Но введение такого «остатка» как раз сводит все его усилия на «нет»: ведь если есть что-то не соответствующее понятийному аппарату, то оно относится к области Вещи в себе. Однако если не дать кантовскому сценарию реализоваться и объяснить судьбу этого «остатка», выходящего за границы логических категорий (понятий), то мы можем отменить этот гегелевский ход мысли, об Абсолютном Духе и конце Истории, – просто за ненадобностью.

«Эффект бумеранга», или Как Маркс отыскал кантовскую Вещь в себе

Так что же происходит с этим «материальным остатком» дальше?

Об этом ни трансцендентальная, ни спекулятивная философии уже рассказать не могут – эта область располагается за пределами их компетенции. По Канту здесь следует остановиться, а Гегель, как мы уже знаем, отказывается признавать само существование такой области.

И тогда опять слово берет Маркс. «А все очень просто: то, что выходит за пределы вашей логико-теоретической схемы, то, что не было вами запланировано и не укладывается в ваше представление, не остается где-то в недоступной и непостижимой для вас области, а возвращается, как бумеранг, в процессе вашей же жизнедеятельности в качестве *внешнего требования* – того, что вы должны *реально сделать, практически*, чтобы выжить в данных конкретных условиях развития производительных сил. А именно – вы должны производить и/ли покупать вещи, удовлетворяющие ту или иную общественную потребность, то есть – товары. Таким образом, судьба этого (чисто материального) «остатка» – *стать товаром*, который вы производите и покупаете, вступая в отношения (рыночного) обмена с другими людьми».

Так материалистическая диалектика выходит за рамки «классической» (трансцендентальной и спекулятивной) философии. Ошибка Канта (а за ним

– и всей немецкой «классической» традиции) – не учитывать *обратное воздействие*, оказываемое на субъекта со стороны той самой области, которая выходила за априорные рамки познания. Или, иначе говоря, не учитывать *механизм опосредования теории («логической схемы») общественной практикой* – через формируемый посредством этой теории производственно-технический комплекс, который обеспечивает эту «обратную связь»: то есть – донесение до субъекта того результата, которого достигает в реальности его мысль. По этому обратному воздействию и становится возможным *реконструировать «В-себе»*, ускользающее, по Канту, из сферы теоретического познания.

Если угодно, Гегель в свое время просто упразднил «Вещь в себе» – саму необходимость говорить о ней: нет «В-себе» – нет и проблемы. «В-себе», как и все остальное, – это просто *еще одна* категория мышления в развертываемом ряду категорий, через которые выражает себя процесс.

Однако Маркс не настолько брезглив и не стесняется ее предъявить во всем ее вульгарном и слишком приземленном для философа облике: «Вот оно, ваше «В-себе», держите! Перед вами то самое неуловимое нечто – его просто не там искали. Да, старик Кант был прав: о нем нельзя говорить на философском языке, оно невыразимо в качестве логической категории – потому что для его описания необходимо использовать категорию из совершенно другой области – *политической экономии*».

Заключение

Иногда, казалось бы, избитые сюжеты философской классики содержат в себе интересные нюансы. Они способны наполнить хорошо известные понятия новым содержанием и тем самым сместить акценты в оценке значимых интеллектуальных поворотов в истории философии.

«Вещь в себе» – это *реально существующий предмет*. И те антиномии и неразрешимые противоречия, которые Кант фиксировал при попытке её определить, являются *реальными противоречиями* функционирования этого

предмета в экономической системе производства и обмена. Иными словами, чтобы разрешить антиномию – нужно вывести, «экспортировать» рассматриваемый объект из философии в политическую экономию. Что и было в свое время проделано Марксом.

Конечно, не следует понимать эту мысль тривиально – мол, «нужно заменить одно другим», «хватит языком болтать – займемся экономикой» и т.д.. Скорее речь идет о том, что из одной сферы (спекулятивной философии) выводится другая (политическая экономия) – и именно этот переход решает проблемы предыдущей сферы. Поэтому и материализм в его марксистской версии, по сути, не противостоит немецкому идеализму, – скорее он решает его структурные проблемы.

«Материализм» – это имя предложенного решения. Поэтому, чтобы избавиться от агностицизма, философия в какой-то момент должна была *стать* экономикой.

Список источников

1. *Deleuze G., Guattari F. L'Anti-Œdipe. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Editions de Minuit, 1972.*
2. *Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. [Электронный ресурс] / Сайт Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 24.11.2022).*
3. *Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. [Электронный ресурс] / Сайт Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Marx,+Karl/%C3%96konomisch-philosophische+Manuskripte+aus+dem+Jahre+1844> (дата обращения: 29.04.2022).*
4. *Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1997. 443 с.*
5. *Гегель Г.В.Ф. Наука Логики // СПб.: Наука, 1997. 799 с.*
6. *Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.*

7. *Ильенков Э.В.* Наука логики // *Философия Гегеля: новые переводы, исследования, комментарии* / Под общ. ред. Е.В.Мареевой. М.: Изд-во СГУ, 2014, с. 447 — 502
8. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
9. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 517 — 642
10. *Хуэй Ю.* Рекурсивность и контингентность. Москва: VA C Press, 2020. 400 с.

References

1. *Chue`j Yu.* Rekursivnost` i kontingentnost`. Moskva: VA C Press, 2020. 400 p.
2. *Deleuze G., Guattari F.* L'Anti-Œdipe. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Editions de Minuit, 1972.
3. *Hegel G.W.F.* Fenomenologiya dukha. SPb.: Nauka, 1997. 443 p.
4. *Hegel G.W.F.* Nauka Logiki // SPb.: Nauka, 1997. 799 p.
5. *Hegel G.W.F.* Lekcii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 1993. 480 p.
6. *Hegel G.W.F.* Wissenschaft der Logik. [Электронный ресурс] / Сайт Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 24.11.2022).
7. *Il`enkov E`.V.* Nauka logiki // *Filosofiya Gegelya: novy`e perevody`, issledovaniya, kommentarii* / Pod obshh. red. E.V.Mareevoj. M.: Izd-vo SGU, 2014, p. 447 — 502
8. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. M.: Nauka, 1999. 655 p.
9. *Marx K.* E`konomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda / K. Marks i F. E`ngel`s. Iz rannix proizvedenij. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskij literatury`, 1956. P. 517 — 642
10. *Marx K.* Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. [Электронный ресурс] / Сайт Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/Philosophie/M/Marx,+Karl/%C3%96konomisch->

Московский экономический журнал. № 11. 2022

Moscow economic journal. № 11. 2022

philosophische+Manuskripte+aus+dem+Jahre+1844 (дата обращения:
29.04.2022).

Для цитирования: Сухно А.А. От агностицизма к экономике, или Почему товар у Маркса является решением философской проблемы // Московский экономический журнал. 2022. № 11. URL: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-11-2022-36/>

© Сухно А.А., 2022. *Московский экономический журнал*, 2022, № 11.